

ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ «ПЛОДОВ ОТРАВЛЕННОГО ДЕРЕВА» ПРИ ОЦЕНКЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ТРЕБУЕТ КОРРЕКТИРОВКИ

Автор в статье рассматривает спорные в науке вопросы, касающиеся оценки допустимости доказательств.

Институт допустимости доказательств имеет давнюю историю своего развития. В настоящее время положение о недопустимости доказательств, полученных с нарушением федерального закона, закреплено на конституционном уровне (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ): «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Указанное требование к допустимости доказательств сформулировано не только лаконично и достаточно четко, но и предельно жестко, что закономерно проявляется и в отраслевом законодательстве.

Так, в УПК РФ допустимость доказательств закреплена не менее строго: нарушение норм данного кодекса влечет за собой признание доказательств недопустимыми, вследствие чего такие доказательства не имеют юридической силы (ч. 3 ст. 7, ч. 1 ст. 75).

Но в УПК РФ закреплено не только вышеуказанное общее правило недопустимости доказательств, полученных с его нарушением, но и два специальных основания признания доказательств недопустимыми (п. 1 и 2 ч. 2 ст. 75). Специальные основания не входят в общие критерии допустимости доказательств, поскольку в указанных случаях не имеет места какое-либо нарушение УПК РФ или иного федерального закона.

При этом общие критерии допустимости доказательств не могут применяться к специальным основаниям. Признание доказательств недопустимыми по специальным основаниям не связано с нарушением норм УПК РФ или иного федерального закона.

Необходимость классификации оснований признания доказательств недопустимыми, в зависимости от способа их закрепления в УПК РФ, на две группы: общие и специальные вызвана тем, что они имеют особенности процессуального порядка призна-

ния доказательств недопустимыми, последствий признания доказательств недопустимыми, действия доктрины «плодов отравленного дерева» [1], механизма восстановления юридической силы недопустимых доказательств и др.

В данной статье предпринята попытка привлечь внимание к проблеме действия «доктрины плодов отравленного дерева» в зависимости от оснований признания доказательств недопустимыми. Эта доктрина не является результатом научных изысканий отечественных ученых. Она зародилась в недрах прецедентных решений Верховного суда США в 20-е гг. XX в.

Ее суть может быть выражена цитатой из решения Верховного суда США: «Содержание положения, запрещающего получать доказательства тем или иным способом, заключается в том, что не только доказательства, полученные незаконным путем, не могут использоваться в нашем Суде, но такие доказательства использоваться не могут вообще» [2]. То есть «отравленное дерево» дает «отравленные плоды»; получение доказательств на основе информации, почерпнутой из недопустимого доказательства, делает их недопустимыми [3].

Отечественная уголовно-процессуальная наука обращала внимание на рассматриваемую доктрину. Авторы «Теории доказательств...» по этому поводу говорили: «Информация, которая, как оказалось, была почерпнута из ненадлежащего источника (например, получена от лица, которое не могло выступать в качестве свидетеля; от эксперта, подлежащего отводу) и по указанной причине была признана недопустимой, может в некоторых случаях использоваться (подобно оперативной информации) в качестве своего рода «указателя» направления расследования и местонахождения доказа-

тельств» [4]. То есть ученые фактически допускали использование «плодов отравленного дерева».

Примечательно, как рассматривает доктрину «плодов отравленного дерева» проф. С.А. Шейфер. Он называет ее постулатом доказательственного права: отравленное дерево дает ядовитые плоды. Этот постулат, по его мнению, означает: «Если доказательство получено незаконным способом и вследствие этого вызывает сомнение в своей достоверности, сомнительными, а значит, недопустимыми, станут и другие доказательства, полученные в результате исследования первого» [5]. Как видим, С.А. Шейфер приводит в действие рассматриваемую доктрину только тогда, когда нарушение условий допустимости ставит под сомнение достоверность доказательств. Следовательно, необходимо определиться, должна ли здесь иметь место зависимость допустимости и достоверности доказательств или «плоды отравленного дерева» появляются при прочих условиях, когда доказательство признано недопустимым, независимо от влияния этого на достоверность. И последнее, неясным остается указание С.А. Шейфера на то, что «плоды» появляются «в результате исследования первого» доказательства.

О.В. Химичева и Р.В. Данилова отмечают, что «в случае исключения из числа допустимых протоколов следственных действий, в ходе которых проводилось изъятие вещественных доказательств, должны признаваться недопустимыми и фактические данные, полученные в результате их исследования (к примеру, содержащиеся в заключении эксперта)» [6].

В практике судов России имеют место примеры фактического применения рассматриваемой доктрины.

Так, в кассационном протесте прокурор просил об отмене оправдательного приговора К., вынесенного судом присяжных Московского областного суда, в связи с существенными нарушениями требований УПК РСФСР, одно из которых, по его мнению, выразилось в следующем. Судья необоснованно исключил из разбирательства дела протокол обыска в служебном кабинете К., вещественные

доказательства – гранату и два стреляющих устройства, заключения экспертов, проводивших баллистическую и взрывотехническую экспертизы.

Кассационная палата Верховного суда РФ оправдательный приговор оставила без изменения, указав следующее: доводы прокурора, изложенные в кассационном протесте, о том, что судья необоснованно исключил из разбирательства дела часть доказательств, противоречат действующему законодательству.

Судья правильно исключил из разбирательства дела такие доказательства, как протокол обыска в служебном кабинете К., гранату Ф-1, два металлических предмета в виде авторучек, признанных огнестрельным оружием, заключения баллистической и взрывотехнической экспертиз, так как эти доказательства получены в нарушение закона.

Указав на те нарушения требований УПК РФ, которые были допущены при обыске в кабинете К., кассационная палата отметила следующее. Учитывая, что в данном конкретном случае изъятие предметов произведено с нарушением закона, судья правильно исключил из разбирательства дела вещественные доказательства и заключения экспертов по ним [7].

В судебной практике судов Челябинской области также имеют место подобные решения. Так, судом исключен как недопустимое доказательство протокол личного досмотра, в ходе которого у потерпевшей изъяты вещи. Фактически личным досмотром было подменено такое следственное действие, как выемка. В данном случае результаты личного досмотра не отвечают такому критерию допустимости доказательств, как надлежащий вид способа собирания доказательств. Фактически применив доктрину «плодов отравленного дерева», суд признал недопустимым доказательством и заключение эксперта, которое содержало выводы о механизме причинения повреждений на этих вещах. Представляется, что суд принял абсолютно обоснованное и законное решение [8].

Не секрет, что теоретические положения не всегда воспринимаются практикой. Например, в рамках проведенного автором ан-

кетирования следователям (более 200) в скрытой форме задавался вопрос об их отношении к доктрине «плодов отравленного дерева». Для рассмотрения была предложена такая ситуация: оперуполномоченный, применив насилие, получил от подозреваемого информацию о местонахождении похищенного имущества. На основании этой информации следователь по возбужденному уголовному делу провел обыск в соответствии с требованиями УПК РФ и изъял указанное имущество. Далее был сформулирован вопрос: является ли данный протокол обыска допустимым доказательством. Подавляющее большинство следователей (около 70%) ответило утвердительно: «Да, является, УПК не нарушен». Остальные респонденты высказались отрицательно: «Нет, не является, исходная (первоначальная) информация была получена незаконно». Таким образом, анализ результатов анкетирования показывает необоснованное негативное отношение к доктрине «плодов отравленного дерева» среди большей части следователей. Данный факт может быть обусловлен отсутствием четких предписаний УПК РФ на этот счет или сознательным допущением следователями использования информации, почерпнутой из недопустимого доказательства. Такая позиция препятствует реализации назначения института допустимости доказательств и фактически позволяет применять недозволенные методы ведения следствия.

В рассматриваемом аспекте проблемы допустимости доказательств одним из важнейших является вопрос о возможности распространения доктрины «плодов отравленного дерева» на доказательства, полученные на основе признанных недопустимыми показаний подозреваемого (обвиняемого) в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Поясним суть проблемы. В ходе судебного разбирательства подсудимый не подтверждает показания, данные им в ходе досудебного производства без участия защитника. Эти показания в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ признаются недопустимыми и не могут быть использованы в доказывании. Возникает вопрос: влечет ли за собой данное решение недопустимость доказательств, производных от показаний подозреваемого (об-

виняемого), то есть полученных на основе показаний этого лица?

Данная проблема не получила достаточного освещения в научной литературе. Изучение соответствующей литературы позволяет говорить о том, что проблема привлекла внимание лишь П.А. Лупинской. Она рассматривает эту проблему применительно к недопустимым доказательствам – показаниям подозреваемого (обвиняемого) в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, а также показаниям подозреваемого (обвиняемого), полученным с нарушением УПК РФ («когда он не был поставлен в известность о его праве, записанном в ст. 51 Конституции РФ»). П.А. Лупинская высказывает свое мнение по этой проблеме: «Если исходить из того, что показания обвиняемого, данные в отсутствие защитника, недопустимы, так как они ставят под сомнение их добровольность, а следовательно, дают основание считать, что обвиняемый под принуждением давал показания против себя самого, указав место, где спрятаны похищенные вещи, то недопустимым доказательством являются и протокол проверки показаний на месте, и обнаруженные там вещественные доказательства» [9].

Во-первых, представляется неверным «смешивать» в этой проблеме показания, признанные недопустимыми по п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, и показания, признанные недопустимыми в связи с нарушением норм УПК РФ (в том числе с нарушением права на защиту). Нами уже отмечалось, что признание недопустимым доказательством показаний подозреваемого (обвиняемого) в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ – это специальное основание недопустимости. В этом случае УПК РФ не связывает наступление таких последствий с нарушением каких-либо норм. В ходе допроса подозреваемого (обвиняемого) без защитника могут быть соблюдены все процессуальные нормы, и лишь в связи с неподтверждением их в суде судья обязан исключить эти показания как недопустимые.

Итак, если следовать доктрине «плодов отравленного дерева», то доказательства, полученные на основе недопустимых показаний подозреваемого (обвиняемого), как, впрочем, и других участников уголовного судопроизводства, должны признаваться не-

допустимыми. Причем недопустимость показаний в этом случае должна быть обусловлена именно нарушением норм УПК РФ. Данная доктрина является логическим «продолжением» санкции за допущенные нарушения.

Иная ситуация возникает с последствиями исключения показаний подозреваемого (обвиняемого) в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Действительно, данная норма является своеобразным механизмом сдерживания «чрезмерной активности» органов предварительного расследования в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого). Механизм сдерживания здесь основан на том, что «чрезмерная активность» не даст положительного результата стороне обвинения (показания будут признаны недопустимыми и не смогут быть положены в основу обвинения).

Однако это не дает оснований презюмировать применение недопустимых методов получения показаний, если в суде подозреваемый (обвиняемый) их не подтвердил. Такое решение может быть им принято и по другим причинам. И даже в случае ссылки на то, что показания были даны под давлением, не означает, что это противоправное поведение должностных лиц органов расследования имело место в действительности.

Думается, что в том случае, когда факты принуждения к даче показаний будут установлены [10], то п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ из специальных оснований «трансформируется» в разряд недопустимых доказательств в силу нарушения норм УПК РФ (общее основание). В этом случае доктрина «плодов отравленного дерева» приобретает силу.

Если же показания подозреваемого (обвиняемого) в суде признаются недопустимыми по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, и отсутствуют признанные судом установленными факты принуждения к даче показаний, то доктрина «плодов отравленного дерева» не может быть применена. Используя эту западную терминологию, можно образно сказать, что в этом случае «дерево» не является «отравленным», его никто не «отравил». Показания («дерево») получены в ходе досудебного производства в соответствии с федеральным законом, на их основе получены другие дополнительные доказательства («плоды»). Не подтверждая эти показания в суде, подсудимый не «отравляет дерево».

Иное решение данного вопроса, по нашему мнению, существенно исказило бы само назначение рассмотренного специального основания признания доказательств недопустимыми, а также теоретические представления о содержании доктрины «плодов отравленного дерева», неосновательно оказало бы негативное влияние на весь процесс доказывания.

Рассматриваемая доктрина не является теоретической моделью. Она фактически признана высшей судебной инстанцией России и должна применяться по всем уголовным делам.

Безусловно, принятие и закрепление в УПК РФ доктрины «плодов отравленного дерева» требует детальной проработки и тщательного подхода к формулированию соответствующих норм.

Список использованной литературы:

1. «Fruit of the poisonous tree» doctrine. (см.: *Nardone v. United States*, 308 U.S. 338 (1939).
2. *Silverthorne Lumber Co. v. United States*, 251 U.S. 385, 392 (1920); *Nardone v. United States*, 308 U.S. 338 (1939).
3. Следует отметить, что из этого общего правила существует несколько исключений, выработанных практикой Верховного суда США.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1973. – С. 234.
5. Шейфер, С.А. Законность способа получения предметов и документов как фактор их допустимости // Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: Материалы всероссийской науч.-практич. конф. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 40.
6. Химичева, О.В., Данилова, Р.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (по материалам уголовных дел о преступлениях, совершенных организованными группами): Учебное пособие. – М., 1998. – С. 68–69.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – №8. – С. 10–11.
8. Обзор судебной практики судов Челябинской области о допускаемых органами предварительного расследования нарушениях процессуального закона, которые отражаются на сроках и качестве рассмотрения уголовных дел и материалов // Вестник Главного следственного управления при ГУВД Челябинской области. – 2003. – №2 (70).
9. Лупинская, П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. – 2002. – №7. – С. 6.
10. Вопросы о необходимой степени доказывания фактов применения насилия представляют отдельный предмет исследования. Представляется, что они могут быть установлены показаниями свидетелей этих событий, непосредственных участников (оперуполномоченных, дознавателя, следователя и т. д.), материалами служебных проверок, результатами использования технических средств, а также наивысшей степенью доказанности таких фактов – вступившим в законную силу обвинительным приговором суда в отношении лиц, применявших насилие.